

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу

Ромашина Матвея Игоревича

«Локальные военные конфликты второй половины XX в. в исторической памяти и практиках коммеморации США (на материалах игрового кино), представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Актуальность темы, выбранной М. И. Ромашиним для своего диссертационного исследования, подтверждается, с одной стороны, тем «мемориальным бумом», который в последние десятилетия охватил практически все области социально-гуманитарного знания, с другой – усиленным вниманием к культуре как к контексту, способу и результату человеческой жизнедеятельности. Благодаря «культурному повороту», в центре внимания гуманитариев оказалась история репрезентаций, отсылающая к изучению всего комплекса социокультурных представлений, культурных практик, ценностных ориентаций, идейных установок, сознания и самосознания людей прошлого. Исследования памяти как раз и занимаются проблемами репрезентации прошлого в историческом сознании и культуре различных сообществ.

Осмысление данных процессов и привело диссертанта «в “точку пересечения” проблемных областей: историческая память и практики коммеморации» (с. 5), позволив сформулировать непростую творческую задачу: «определить, каким образом кинематограф США реализовывал функцию формирования, трансформации и презентации представлений и оценки социумом локальных военных конфликтов второй половины XX в.» (с. 15). С разрешением этой сложной задачи оказался органически сопряжен выбор стратегии исследования, опирающейся на историко-культурный подход к бытованию и трансформациям исторической памяти с опорой на достижения визуальных исследований, в частности изучения кинофильмов «как средства аккумуляции, формирования, реконфигурирования и репрезентации исторической памяти» (с. 5), т. е. как практику коммеморации. Принципиально важно отметить признание диссертантом «междисциплинарного характера заявленной проблемы» (с. 5), который был положен в основу предложенной им для этой цели модели интегративного анализа Г. Кортэ, «дополненная и модифицированная с учетом особенностей военного кино» (с. 77). Сочетая разнообразные подходы к изучению предмета, автор не только демонстрирует хорошие профессиональные навыки в их определении, обосновании и практическом использовании, но и умело и творчески применяет их в приложении к конкретно-исторической теме.

Новаторство и оригинальность подхода, предложенного диссертантом, заключается, на мой взгляд, прежде всего, в том, что диссертант осознанно проблематизировал особенности кинофильма как специфического исторического источника и своеобразной коммеморативной практики, маркирующей и одновременно активно формирующей отношение социума к событиям реального военного конфликта. Весомым аргументом для этого послужило особое положение игрового кино в социальном пространстве «между фактичностью истории, обыденными (мифологическими) представлениями о ней, авторским творческим решением создателей фильмов и интенцией их зрительского восприятия; сочетанием коллективного и индивидуального опыта “проживания” прошлого в процессе кинопросмотра; мультимедийностью (разнообразием средств влияния и их сочетаний) и интертекстуальностью (включенностью в общий медиа-поток современного мира)» (с. 18–19). Автор убедительно обосновал свое намерение выявить «механизмы создания и целенаправленного продвижения военного кино в качестве актора формирования исторической памяти нации», а также «социальные механизмы формирования и распространения паттернов отношения людей к локальным военным конфликтам (а также отдельным событиям, личностям и т. д.), генерируемых и транслируемых кинематографом» (с. 22).

Диссертант вполне аргументировано обосновывает подбор основных источников, которые помогли не только изучить содержание и форму презентации локальных войн в игровом кино США, но и проследить динамику отношения американского общества к локальным войнам, отраженного, реконфигурированного и транслируемого кинематографом. Как достижение, следует отметить привлечение статистических материалов, связанных с американским кинематографом. Представленный историографический очерк, включающий как отечественную, так и зарубежную литературу, можно оценить как достаточный для решения сформулированных автором основных задач диссертации. Убедительно обоснован выбор данного хронологического периода для проведения исследования.

Композиция работы М. И. Ромашина выглядит хорошо продуманной и стройной.

Во Введении автор детально представил состояние изучаемого предмета в связи с обзором источников и исследовательской литературы. Диссертант четко обозначил критерии отбора и принципы систематизации используемых источников.

Диссертационное исследование складывается из трех глав.

В первой главе проведен анализ историографических и теоретико-методологических основ репрезентации исторической памяти в военном кино. Справедливо отмечая множественность и расплывчатость терминологии памяти в различных дисциплинарных дискурсах современных мемориальных исследований

(«социальная память», «историческая память», «коллективная память», «культурная память» и т. д.), диссертант вполне обоснованно подчеркивает синтетическое видение всего комплекса социальных, культурных и историко-генетических аспектов «внешнего контроля над сознанием индивида». Именно в таком объеме механизмов «внешнего контроля» реализуется присущая коллективной памяти интегративная функция организации и трансляции социально-исторического опыта. Рассуждая о новых способах и жанрах репрезентации истории, их мультимодальной природе, автор показывает отличия игрового кино от других коммеморативных практик, занимающего «срединное» место между фактичностью истории как научной дисциплины, мифологизированными обыденными представлениями о ней, замыслом автора и интенцией зрительского восприятия» (с. 220). С учетом этого показываются возможности и границы его использования как исторического источника, требующего включения в арсенал методов познания не только когнитивных, но и аффективных практик.

Значительный интерес вызывает третий параграф этого раздела, в котором диссертант конструирует и детально описывает модель анализа фильмов о войне, уделяя особое внимание комплементарности текстуальных и визуальных параметров военных фильмов как практик коммеморации, заметно обогащая способы анализа в рамках исторического киноведения.

Во второй главе автор исследует факторы влияния на презентацию локальных войн в игровом кино США второй половины XX – начала XXI в. Существенным достоинством работы является то, что автору удалось убедительно обосновать и показать известную зависимость производства фильмов о войне от внутри- и внешнеполитических условий США, в том числе от государственной власти как важнейшего актора формирования «политики памяти», а также от общественных движений, очередных войн и конфликтов. В этой главе диссертант выстраивает собственную динамичную модель развития американского кинематографа о войне, при этом совершенно справедливо обосновывает мысль о не всегда линейном и однозначном характере опосредования кинематографа государством и обществом, доказывает мысль о несводимости киноиндустрии к единомыслию или нивелированию индивидуальности.

Обозначенные в двух главах подходы и идеи были положены в основу конкретно-исторического исследования и последовательно развиты в третьей главе, посвященной конструированию исторической памяти в кинофильмах о локальных конфликтах второй половины XX века. В этой части диссертации, вводя в научный оборот богатый киноматериал, автор продемонстрировал пути и способы презентации военных конфликтов в военном кино и тенденции их бытования в пространстве исторической памяти США. Особое внимание было уделено роли мультимодальных средств в практиках репрезентации локальных военных конфликтов в американском военном кино,

особых техник и специфических средств киноязыка. Большим достоинством работы, на мой взгляд, является то, что диссертанту удалось показать на конкретном материале, каким образом изменение взаимосвязанных компонентов в средствах конструирования представлений о войне знаменовало динамику отношения американского социума к локальным войнам. Как в процессе непрерывной интерпретации прошлого различными институтами и механизмами — в том числе военным кино — создавались новые ментальные конструкты для коллективного сознания, менялись и закреплялись новые представления о локальных войнах. Интересными и полезными для читателя могут быть наблюдения автора диссертации о сочетании в американском кинематографе внешне противоречивых, порой оппозиционных друг другу черт.

В целом, системный исследовательский подход, предложенный автором диссертации к изучению темы, выглядит убедительным. Основные положения и выводы работы достаточно продуманы и не вызывают возражений. Основные замечания к диссертации сводятся к следующим.

Думается, что на периферии внимания диссертанта осталась некоторые важные работы современных западных и отечественных авторов, непосредственно связанных с анализом американского кинематографа на предмет локальных конфликтов. В первую очередь, речь идет о таком направлении исследований, как *trauma studies* (М. Джей, Д. ЛаКапра, К. Карут, Р. Лейс, Ш. Фелман, и др.), появление которого было в значительной степени обусловлено локальными войнами во Вьетнаме, Ираке, Афганистане и их социально-культурными отголосками. Именно в рамках этого исследовательского направления было показано, как сменилось восприятие фронтового опыта солдатами и общественным мнением: с романтической поэтизации — на медицинский дискурс психиатрии с его вниманием к автоматическим действиям тела, обладающего собственной аффективной и моторной памятью. Полемика вокруг терминов «вьетнамский синдром» и «посттравматическое расстройство» отчасти сняли ответственность за войну с США и сделали их жертвой, что, собственно, и нашло отражение в американском кинематографе.

Дискуссия о травме оказалась тесно связана с американскими *memory studies*, особенно для сторонников культурной памяти, которые делают большой акцент на кино как медиа и символической практике. Именно в США получил распространение термин *postmemory*, маркирующий разрыв между участниками событий и родившимися позже. В то же время контекст полемики о связи *trauma studies* и *memory studies* сказался на развитии психоистории, устной истории и истории эмоций, которые рассматривали работу коллективной и культурной памяти на стыке приватного и публичного. И на этом стыке востребованными оказались такие понятия, как аффект, скорбь, меланхолия, отыгрывание и прорабатывание прошлого, которые стали актуальными для американского

кинематографа. Таким образом, благодаря соединению *trauma studies* с *memory studies* изменились сами дискурсивные рамки, представления о задачах, материале и методах исторического исследования. Например, метафорический язык описания сменился метонимическим, телесный опыт стал замещать память о событиях. Полагаю, что добавление этого измерения в диссертацию сделало бы ее еще более доказательной.

Во-вторых, весьма полезными для данного исследования могли бы стать такие относительно недавние работы по военному кинематографу, как: «*A Companion to the War Film*» (Ed. by D.A. Cunningham, J.C. Nelson. Malden, MA: John Wiley & Sons, Inc., 2016. XII, 460 p.); Allison T. «*Destructive Sublime: World War II in American Film and Media*» (New Brunswick, NJ; Newark, NJ; L.: Rutgers University Press, 2018. X, 250 p. (War Culture)); «*Disappearing War: Interdisciplinary Perspectives on Cinema and Erasure in the Post-9/11 World*» (Ed. by C. Hellmich, L. Purse. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2017. XIV, 202 p.) и некоторые другие. Несмотря на то, что в названиях некоторых из них не фигурируют локальные конфликты, в них очень подробно рассматриваются проблемы структурной трансформации канона военного кино и изменения социальных представлений о «новых войнах» конца XX — начала XXI в. По сути, речь идет о формировании новых культурных и социальных рамок для описания природы «постгероических» военных конфликтов в условиях, когда старые (связанные со Второй мировой) рамки памяти все меньше подходят для их репрезентации. Авторы подчеркивают очень важную для осмысления репрезентации локальных конфликтов мысль о том, что современный нарратив о войне — переход от героизации славного прошлого к критике несправедливости современных конфликтов и далее к признанию их амбивалентности — оказывается неразрывно связанным с трансформацией визуальной эстетики. А именно задействуются элементы компьютерной симуляции — технологической реконструкции войны или ее геймификации, масштабной эстетической стилизации и украшения современными спецэффектами, забывающими о реальном насилии и тем самым легитимирующими его. В результате оказывается невозможной конвенциональная репрезентация «новых войн» — их можно прочесть как антивоенные, а можно — как провоенные. Однако даже признание амбивалентности войны служит, в конечном счете, укреплению консервативной гегемонии, превращая войну в зрелище, подталкивая зрителя к смирению и не предлагая ему путей сопротивления сложившейся системе или ее изменения.

Наконец, следует упомянуть о работах некоторых отечественных исследователей, непосредственно изучающих репрезентации локальных войн в кинематографе, в том числе американском. В частности, работы Ф. В. Николаи «Вторая мировая война и локальные конфликты в оптике американского военного кино 1990-х — 2010-х гг.» (Новое литературное обозрение. 2023. № 1. С. 309–320), «“Новые войны”: исчезновение

будущего и(ли) синхронизация темпоральностей» (Логос. 2021. № 4. С. 119-136), «Мнемозина и Марс: “новые войны” и старые рамки памяти» (Новое литературное обозрение. 2019. № 5. С. 353-364), «Дискурс безопасности и политическая анатомия страха в эпоху “новых войн” (Логос. 2019. № 3. С. 217-230), «Деконструкция образа врага: по ту сторону “реалистического” и функционального подходов»: рец. на книгу «“Враг номер один” в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны» (Социология власти. 2023. № 1 (35). С. 242–249) и, наконец, его монография «Полемика о травме в американских исследованиях культуры» (М.: Флинта, 2017). Поскольку автор является руководителем научно-исследовательской лаборатории по социальной антропологии и давно исследует вопросы репрезентации войн в ракурсе исторической памяти, его труды могли бы быть весьма полезны для данного диссертационного исследования.

Думается также, что М. И. Ромашину следовало бы попытаться вписать кинодискурс о локальных конфликтах в другие дискурсы. Автор совершенно справедливо замечает, что «труднее всего судить о характере восприятия и оценки кинофильмов отдельными “рядовыми” зрителями – современниками кинопоказов» (с. 75), однако привлекаемые диссертантом «оценочные суждения участников и ветеранов локальных войн» (с. 76) не являются в данном случае достаточно репрезентативными источниками (даже вкупе со статистическими данными). Без такого анализа остается не до конца проясненным вопрос о том, что же именно влияло на историческую память американцев о войне – американский кинематограф и/или другие дискурсы и практики коммеморации. Иными словами, любой разговор о визуальном априори должен быть вписан в значительно более широкий контекст — прежде всего в контекст анализа дискурсивных и перформативных практик. Последние, в том числе, занимаются изучением ритуальных элементов культурной памяти, коммемораций, мемориальных коммуникаций, мемуарной культуры.

В целом же, актуальность избранной темы, ее научная разработка и аргументация важнейших положений позволяют говорить о новаторстве диссертационного исследования М. И. Ромашина. Думается, что представленные в диссертации исследовательские подходы и аналитическая модель могут представлять значительный интерес для отечественных историков-профессионалов и использоваться в учебном процессе высшей школы.

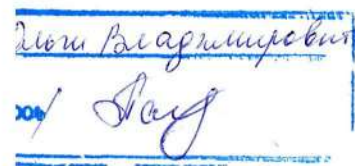
Таким образом, диссертационная работа М. И. Ромашина представляет собой самостоятельное законченное исследование, обладающее научной новизной, теоретической и практической значимостью. Автореферат соответствует содержанию диссертации, публикации автора отражают основную проблематику темы.

Диссертация соответствует требованиям п. 9 Положения о присуждении ученых степеней в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина», а ее автор, Матвей Игоревич Ромашин заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Отзыв представлен в диссертационный совет УрФУ 5.6.03.05.

Официальный оппонент:

Воробьева Ольга Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник отдела
историко-теоретических исследований
Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт всеобщей
истории Российской академии наук

ФГБУН Институт всеобщей истории
Российской академии наук
119334, Москва, Ленинский проспект, 32А,
+7(495) 938-13-44,
dir@igh.ru,

7 мая 2025 г.